

18 ФЕВРАЛЯ ему исполнилось бы 80 лет. Его имя стоит в славленном ряду основоположников советского шекспироведения. Вклад Михаила Михайловича Морозова в исследование творчества величайшего английского драматурга поистине огромен. Поразительно было его толкование пьес Шекспира, с которым невозможно всякий раз не согласиться из-за того, что все опиралось на тончайшее понимание театра и проникновение в глубины английского поэтического языка. Кажется, профессор Морозов жил в век Шекспира, знал английскую речь того времени и знал, как она переходит в стих. Он чувствовал смысл и метафоричность каждого оборота, каждого оттенка фразы поэта и потому много ценного оставил и для развития теории перевода, и для истории шекспировских пьес на советской сцене.

Это не значит, что он шел только этой дорогой в искусствоведении: М. М. Морозов отличался знанием дошекспировской английской литературы, английской народной поэзии, поэзии французской, итальянской, русской. Не удивляйтесь, если также встретите монографии Морозова о русских актерах-трагиках XIX века, статьи о пе-

реводах, сделанных А. Н. Островским. Не удивляйтесь, если в ваши руки попадут рассказы, стихи и даже опыт символической пьесы, принадлежащие перу Морозова: и это в ранние годы литературной деятельности увлекло Морозова, хотя не получило впоследствии развития. Но Шекспир в его творчестве

лений от них. Всегда увлеченный какой-либо идеей, Михаил Михайлович был способен выключаться из бытовой сферы в любой момент и говорить о предмете своих раздумий громко и шумно, где бы он ни был: в институте, на улице, в театре. Все было крупно в этом человеке: мысль, убеждения, голос, по-

яло в расписании занятий, а только те лекции, которые действительно обогащали память и душу. На его лекциях всегда было полно студентов, забывавших помещение и зачастую специально приходивших в институт только ради них.

Морозов не «читал» лекции, а импровизировал их, вына-

ким же сильным, как воля и мысль. Оно еще в детстве немного подвело маленького Михаила, и только любовь матери спасла, выходила сына.

В 40-е годы Шекспира много играли на нашей сцене. Можно сказать, Шекспир нашел у нас вторую родину. И всякий режиссер, работавший над шекспировской пьесой, звал к себе Михаила Михайловича и проверял свой труд его советами. В таких случаях выступления Морозова принимали особенно живой характер, его замечания были точны, он мог помочь сыграть актеру любую сцену, не дающуюся из-за ускользнувших языковых тонкостей. Так, один актер бился над поэтической метафорой во фразе Отелло: «Потушу свет, а потом потушу свет», — говорит Отелло, готовясь к убийству Дездемоны. Актер хотел убрать повтор. Михаил Михайлович упрекнул его: «Разве вы не слышите, что он говорит сперва о свете, а потом о самой Дездемоне? Это сама поэзия!»

Шекспир изучен, кажется, до предела. Но разве живая мысль гения, каким был Шекспир, может быть исчерпана? Труды Морозова доказывали это, открывая путь к глубинам неповторимого шекспировского слова.

М. М. Морозов, сын и внук русских миллионеров, по духу своему был истинно русским интеллигентом, свободным от предрассудка собственности. Тот, кому известно, что семьей Морозовых — точнее, матерью Михаила, красавицей Маргаритой Ки-

рилловой, одаренной пианисткой, ученицей Скрябина, — было принесено в дар государству собрание картин свыше миллионной стоимости, составившее тогда, в 1940 году, треть фонда Третьяковской галереи, согласится со мной. Среди этих картин — Врубель, Левитан, Серов и Коровин...

Бывая в Третьяковской галерее, многие, вероятно задерживаются у одного шедевра Валентина Серова: кудрявый черноглазый мальчик, как будто прислушиваясь к чему-то невидимому и неслышимому для нас, хочет спуститься с большого дубового кресла. В глазах его сияет еще не осознанное до конца чувство полноты жизни. Серов назвал картину «Михаил Морозов». Серов рисовал ребенка, каким был в 1901 году Михаил Морозов.

Он умер в 1952 году. Не в постели, не в больнице — за письменным столом. Перо его застыло на фразе: «Рабочий у станка...». Не о себе, не о своих удобствах, не о недоумогании, которое, наверное, давало о себе знать, думал и писал профессор Морозов в роковые минуты. Но о том, что было так близко ему, гражданину нового общества: о начале, творящем дело, труд, жизнь.

Он всегда шел навстречу трудной и радостной задаче — жить интересно. Жаль, что его нет среди нас теперь. Но хорошо, что он был. Такие люди, их труд и талант делают жизнь интересной.

Нина ВЕЛЕХОВА

«ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШЕКСПИРА НА ЗЕМЛЕ»

О МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ МОРОЗОВЕ

занимал главное место, и для нас, его знавших, Михаил Михайлович Морозов был неким носителем шекспировского духа. Ведь это его Маршак с поэтическим задором окрестил «представителем Шекспира на земле».

Михаил Михайлович Морозов действительно был незаурядной личностью, что становилось ясно даже при поверхностном знакомстве с ним. Его яркая, интенсивная внутренняя жизнь, казалось, никогда не сменялась состоянием спокойного созерцания. Если для определения облика Морозова нужно было бы найти метафору, то я прибегла бы к такой, как факел, который горит долго, не боится ветра, хотя и неудобен тем, что разбрасывает искры. Морозов был человек интересный, но трудно уживался с людьми. Ученый, исходящий в своих положениях из глубоко объективных истин, он не знал соблазна отступ-

ходка, смех, черты лица; он жил и действовал в социальности мажора. И вместе с тем Морозов был где-то в душевной своей основе ребячлив: яростно отстаивая свое мнение, он умел признать и неправоту свою, что с людьми бывает не так уж часто. «Я неправильно истолковал это темное и спорное место!» — написал он в одной из своих работ.

Остро ощущая поэтическую мысль Шекспира, Морозов часто спорил с переводчиками — даже с Борисом Пастернаком, волшебником поэтического слова, хотя здесь споры окончились полным пониманием и личной дружбой.

Каким-то особым настроением были отмечены лекции Морозова в холодную военную зиму. Он читал их в ГИТИСе. В аудиториях не топили, чернела стыд, трудно было писать. Студенты посещали далеко не всё, что сто-

явившая по комнате и взлохмачивая когда-то густую кудрявую шевелюру. Он цитировал наизусть шекспировские монологи по-английски и по-русски, приводил неисчислимое количество переводов одних и тех же речевых оборотов, останавливаясь на том, который считал образцовым.

Морозов ощущал образы, видел их или, проще сказать, знал, как можно поставить Шекспира, как, скажем, Мария Ивановна Бабанова должна сыграть сцену Джульетты на балконе. Он, как режиссер, слышал, как воплощается слово на сцене. Это пронизывало и его лекции, и было не случайно — в прошлом Морозов ставил спектакли.

Его знания были колоссальны. Он был безмерно щедро одарен памятью от природы и много работал. Если бы он не так горел, то верно, сердце дольше служило бы. Но сердце не было та-